

0-770391

На правах рукописи

ПЛАТИЦЫНА Наталья Игоревна

**ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В МАЛОЙ ПРОЗЕ
ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2008

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы
и языкознания Института русской филологии
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Кауфман Лия Соломоновна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Ишимбаева Галина Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент
Хвостов Борис Анатольевич

Ведущая организация – Ивановский государственный университет

Защита состоится 23 апреля 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.14 при Воронежском государственном университете по адресу: 394006, Воронеж, пл. Ленина, д. 10, ауд. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан « 19 » марта 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437374

Учёный секретарь
диссертационного совета

О.А. Бердникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В отечественном и зарубежном литературоведении принято считать, что с именем немецкого писателя Вольфганга Борхерта (Wolfgang Borchert, 1921-1947) связана новая глава в истории послевоенной западногерманской литературы и что именно Борхерт явился основоположником того поколения, которое традиционно называют «поколением вернувшихся» (Л.П. Антонова, Ц.М. Гецене, Л.З. Копелев, Л. Симонян, И.М. Фрадкин, З.М. Чхенкели, Б. Мейер-Марвитц, М. Шмидт, Р. Шульмайстер и др.). Литературовед Е.А. Зачевский, разделяя мнение исследователей, тем не менее, справедливо указал на давно возникшую необходимость «внесения некоторых коррективов в определение места и значимости творчества В. Борхерта» в живом культурном и литературном потоке современной писателю действительности¹. Внесение «коррективов», с точки зрения учёного, предполагает прежде всего изучение художественного наследия Борхерта в контексте творчества других немецких авторов, затрагивавших вопрос о взаимодействии человека с окружающим миром.

Полемика вокруг творческой личности Борхерта, начавшаяся сразу после его смерти и продолжающаяся до настоящего времени, свидетельствует о значимости тех онтологических и культурологических проблем, к осмыслению которых обращался писатель. При этом почти каждое упоминание имени Борхерта связано с размышлениями о многоуровневых процессах, происходивших в историко-литературной жизни Германии. В 1948 году на страницах журнала «Der Ruf» развернулась активная дискуссия, вызванная публикацией статьи Г.Р. Хокке «О новейшем цинизме. Разговор между Вольтером и Вольфгангом Борхертом». Хокке назвал Борхерта, «только что покинувшего землю», «оптимистичным скептиком, а не лукаво пессимистичным циником» («...ein optimistischer Skeptiker, jedoch kein verschmitzt-pessimistischer Zyniker») и противопоставил его тем молодым авторам, чьи мнения «лукавы и определённо имеют задний план»². По мысли Хокке, в творчестве рано умершего Борхерта органично соединились «подлинная боль и хорошо обоснованная надежда» («...echten Schmerz mit wohlbegründeter Hoffnung...»), в то время как многие его ровесники только «кокетничают страданием» («...kokettieren nur mit dem Leid»)³.

¹ См.: Зачевский Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ. 1947-1949 гг. – Т. I. / Е.А. Зачевский. – СПб.: «Нестор», 2001. – С. 87.

² Hocke G.R. Über den allerneuesten Zynismus. Ein Gespräch zwischen Voltaire und Wolfgang Borchert / G.R. Hocke. – Der Ruf. – 1948. – Nr. 2. – S. 11.

³ Ibid.

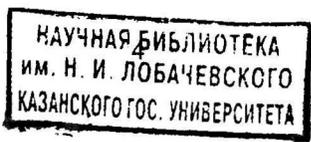
Уже в следующем номере «Der Ruf» появилась ответная статья бывшего редактора литературного отдела журнала А. Айххольца «Лукавый циник» (1948), выступившего в защиту начинающих немецких авторов. Айххольц указал на необходимость восприятия «подлинного цинизма» молодой немецкой литературы не как «модного наряда для фривольного умственного празднества» («...als modisches Gewand für frivole geistige Lustberkeiten...»), но как «надёжного панциря в распоряжении человека, которому угрожает опасность» («...als eine der stärksten Panzerungen, die dem bedrohten Menschen zur Verfügung stehen»)⁴. Размышления о творческой личности Борхерта приобрели более глубокий смысл и более масштабное звучание, чем можно было бы предположить. Суждения Густава Рене Хокке и Армина Айххольца продолжили общую дискуссию о сложном процессе самоопределения молодой немецкой литературы и вместе с тем подтвердили значимость художественного наследия писателя для её дальнейшего развития.

С середины 50-х годов в немецкой критике появилось новое восприятие творчества Борхерта. В 1958 году критик Эрнст Даушер открыто заявил, что Борхерт «устарел», а его голос в современной Германии звучит «неуверенно и вяло»⁵. Суждение Э. Даушера прозвучало в унисон с мнением других немецких литературоведов. Так, в 1962 году критик Гюнтер Блокер без удовлетворения констатировал, что книга Борхерта «Печальные герани» полностью завоевала книжный рынок и оттеснила даже Генриха Бёлля. Блокера удивлял «плохой вкус немецких читателей, которые хвалят подобную литературу»⁶. Вопреки нелепым и абсолютно беспочвенным обвинениям в «несовременности» и «пресности» творчество Борхерта продолжало привлекать внимание деятелей искусства и многочисленных исследователей. Во второй половине XX века появились работы П. Рюмкорфа (1961), Ст. Х. Кашиньски (1970), М. Шмидт (1970), К. Фрейданка (1975), А. Шмидта (1975), К.Б. Шрёдера (1988), К.Е. Гульвага (1997) и др. О непреходящем значении художественного наследия Борхерта свидетельствует тот факт, что в 1988 году в Гамбурге было организовано литературное общество (Internationale Wolfgang-Borchert-Gesellschaft e. V.) и открыт архив писателя.

⁴ Eichholz A. «Verschmitzte Zyniker» / A. Eichholz. – Der Ruf. – 1948. – Nr. 3. – S. 11.

⁵ Цит. по: Харитонов М. Вольфганг Борхерт, прочитанный сегодня / М. Харитонов // Иностранная литература. – 1973. – № 2. – С. 220.

⁶ Цит. по: Чхенкели З.М. Судьба молодого поколения в прозе Вольфганга Борхерта: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / З.М. Чхенкели. – Тбилиси, 1969. – С. 18.

Рецепция творчества Борхерта в России началась в 1958 году после публикации в журнале «Иностранная литература» четырёх новелл писателя⁷. На протяжении всего XX века интерес исследователей к литературному наследию Борхерта активно поддерживался, что подтверждают не только многочисленные статьи и переводы его поэзии и прозы, но и диссертационные работы.

В диссертациях З.М. Чхенкели (1969), Л.П. Антоновой (1972), Ц.М. Гецене (1978) были рассмотрены поэтика и проблематика творчества писателя, а также намечены основные пути исследования центральной проблемы «человек и война». Существенный вклад в отечественное борхертоведение внесла диссертация Л.И. Мальчукова (1971), автор которой указал на живую взаимосвязь творческих исканий Борхерта с опытом его поколения и обозначил роль писателя в идейно-эстетическом пространстве первых послевоенных лет. Вопрос о жанрово-типологических особенностях малой прозы художника в контексте творчества его современников (Г. Бёлль, В. Шнурре) был рассмотрен в работе В.С. Дзюбинской (1978).

Литературное наследие Борхерта стало благодатным материалом и для исследователей-лингвистов. В диссертациях Н.Д. Маровой (1968), В.В. Гавриловой (1969), Л.Н. Тимошук (1975), В.М. Кузурман (2004) были проанализированы особенности индивидуального стиля писателя, исследованы лингвостилистические принципы создания малой прозы и драматургии.

На рубеже XX-XXI веков интерес к творчеству Борхерта значительно возрос. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что проблемы переводческой рецепции художественного наследия писателя стали одним из научных проектов кафедры немецкого языка Северо-Восточного государственного университета (Магадан). В последние годы начали появляться отдельные переводы поэзии и прозы Борхерта, а также многочисленные статьи, посвящённые исследованию художественного мира писателя (Т.В. Анищук, О.А. Веденяпина, М.В. Гришаева, Н.Д. Громова, В.И. Иванов, Р.И. Кузьмина, Л.И. Мальчуков, Е.И. Микитенко, Л.М. Нюбина, Н.Н. Пелевина, Я.К. Родзиевская, Н.Т. Рымарь, В.А. Рычина, Э.И. Тзули, Р.Ф. Яшенькина и др.).

Тем не менее, обращение к ранее малодоступным материалам (письмам, отдельным художественным текстам Борхерта, а также статьям и рецензиям, почти неизвестным отечественным литературоведам) позволяет с принципиально новых позиций взглянуть на своеобразие малой

⁷ В переводе Л. Чёрной были опубликованы: «Хлеб», «В этот вторник», «Часы, которые висели в кухне», «Шижиф, или кельнер моего дяди». См.: Иностранная литература. – 1958. – № 7. – С. 78-91.

прозы писателя. Согласно Г.-Г. Гадамеру, значение текста никогда не исчерпывается интенциями его автора. «Когда текст из одного историко-культурного контекста попадает в другой, – замечает Гадамер, – с ним связываются новые интенции, которых не предвидели ни автор, ни первые читатели»⁸. Выявление и осмысление «новых интенций», закономерно возникших в отношении творчества Борхерта на рубеже XX-XXI столетий, – важнейшая задача данного исследования.

Таким образом, актуальность диссертации обусловлена её связью с современными научными направлениями, исследующими закономерности функционирования художественного текста в переломные исторические эпохи; потребностью определения новых научных подходов к онтологической и культурологической проблеме взаимодействия человека с окружающим миром; необходимостью изучения творчества Вольфганга Борхерта с учётом ранее не исследованных материалов в контексте немецкой литературы XX столетия.

Цель работы заключается в исследовании проблемы «человек и война» и способов её художественного воплощения в малой прозе Вольфганга Борхерта. Для её достижения были поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать социокультурные особенности развития послевоенной западногерманской действительности (1945-1949 гг.);
- 2) определить своеобразие литературно-эстетических воззрений Борхерта;
- 3) выявить взаимосвязи между художественными трактовками проблем «человек и война», «человек и тюрьма», «человек и мир природы»;
- 4) уточнить характер творческого переосмысления писателем проблемы «человек и война» в аспекте проблемы веры / безверия;
- 5) рассмотреть особенности художественного воплощения образов малой родины / Отечества (Heimat / Vaterland) в связи с общей проблемой исследования.

Цель и задачи обусловили выбор методики исследования, в основу которой положено соединение элементов культурно-исторического, социологического, герменевтического, компаративного, психологического, биографического методов и подходов.

Предметом исследования является художественное осмысление проблемы «человек и война» в малой прозе Борхерта.

Объект исследования – малая проза писателя, составившая сборники «Одуванчик» («Die Hundeblyume», 1947), «В этот вторник» («An diesem Dienstag», 1947) и «Печальные герани» («Die traurigen Geranien», 1962), а

⁸ Цит. по: Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / А. Компаньон / Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. – С. 75.

также материалы, вошедшие в издание «Вольфганг Борхерт. Наедине с моей тенью и луной. Письма, стихотворения и документы» («Wolfgang Borchert. Allein mit meinem Schatten und Mond. Briefe, Gedichte und Dokumente», 1996). В сферу анализа включена пьеса «На улице перед дверью» («Draußen vor der Tür», 1947), обращение к которой представлялось необходимым в связи с общей проблемой исследования.

Теоретико-методологической основой диссертации послужили труды историков, философов и литературоведов, обращавшихся к осмыслению проблемы «человек и война» в её многоаспектных проявлениях: В.Г. Баева, Н.А. Бердяева, А.И. Борозняка, В.И. Гамова, А.И. Иванова, Г. Глазера; отдельные теоретические положения, выдвинутые в работах М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского; работы по истории и теории немецкой литературы: Е.А. Зачевского, Л.С. Кауфман, Н.С. Лейтес, Т.Л. Мотылёвой, Б.Л. Сучкова, Й. Мара, Г. Хая, В. Хельмиха; исследования, посвящённые творчеству Вольфганга Борхерта: Л.П. Антоновой, О.А. Веденяпиной, Ц.М. Гечене, В.М. Кузурман, Л.И. Мальчукова, З.М. Чхенкели, Ст.Х. Кашиньски, П. Рюмкорфа, К. Фрейданка, А. Шмидта, М. Шмидт, К.Б. Шрёдера, З. Унзельда и др.

Научная новизна работы определяется следующими факторами:

1) художественный мир Борхерта впервые в отечественном литературоведении осмыслен в его взаимодействии с законами театрального искусства;

2) уточнены и дополнены представления о философско-эстетических воззрениях и проанализирован концептуальный вопрос о творческом методе художника;

3) в научный оборот введены ранее не переведённые новеллы писателя, а также часть его эпистолярного наследия, существенно расширяющая уже сложившиеся представления об особенностях творческой личности Борхерта;

4) проблема «человек и война», являющаяся важной частью индивидуальной картины мира писателя, осмыслена в онтологической взаимосвязи с проблемами «человек и тюрьма», «человек и мир природы», а также в аспекте проблемы веры / безверия.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности использования её материалов при разработке вузовских курсов по истории зарубежной литературы XX века, спецкурсов и спецсеминаров по теории и истории немецкой литературы XX века, проблемам взаимодействия человека с окружающим миром, а также по творчеству В. Борхерта. Результаты исследования могут быть применены при подго-

товке и проведении занятий в школах, гимназиях и лицеях гуманитарного профиля, средних специальных учебных заведениях.

В ходе апробации основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры зарубежной литературы и языкознания Института русской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, ежегодных научных конференциях «Державинские чтения» (Тамбов, 2005, 2006), общероссийском Интернет-семинаре «Рождественская философия» в творчестве Чарльза Диккенса: проблемы изучения преподавания» (Тамбов, 2005), Всероссийской научной конференции «Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературе» (Волгоград, 2006), Международных научных конференциях «Шиллеровские чтения» (Тамбов, 2005) и «Художественное слово в пространстве культуры» (Иваново, 2006), XVIII Пуришевских чтениях (Москва, 2006), на межвузовском научном семинаре молодых германистов «Филологический дискурс современной германистики» (Тамбов, 2006), а также на VI Международной научной конференции «Филология и культура» (Тамбов, 2007). По теме диссертации опубликовано 13 работ.

Положения, выносимые на защиту.

1. В творчестве Борхерта проблема взаимоотношений человека с окружающим миром получает многоаспектное значение. Осмысление проблемы «человек и война» является существенной частью индивидуальной картины мира писателя и детерминирует особенности художественного мира его произведений.

2. В сфере пристального внимания Борхерта находится не сама война как историческое явление, а её воздействие на человека. Война – тяжелейшее физическое и нравственное испытание – становится для героев писателя особым *«плацдармом» этической проверки*. В связи с этим в малой прозе художника отчётливо выделяются два типа персонажей: 1) персонажи, не выдержавшие испытания войной и духовно надломленные; 2) персонажи, противостоящие испытаниям войны силой любви и сострадания.

3. Проблема «человек и война» в творчестве писателя генетически связана с образами церкви и её служителей, а также с художественной интерпретацией образа Бога. Герои Борхерта отрекаются от Бога и перекладывают на него ответственность за происходящее, тем самым полностью снимая её с себя. Между тем, главная трагедия борхертовских персонажей заключается в чрезвычайно материальном восприятии божьей воли на земле.

4. Проблема «человек и война» тесно соприкасается с проблемой «человек и тюрьма». Герои всех «тюремных историй» («Gefängnisgeschichten») Борхерта оказываются в той же безнадежной ситуации отчужденности и

отверженности окружающим миром, в которой пребывают герои «историй о вернувшихся» («Heimkehrergeschichten»). Если одни обладают физической свободой, но при этом занимают вынужденное положение аутсайдеров (Бекман, Фишер), то другие переживают состояние исключённости из естественного жизненного процесса.

5. В сфере творческих интересов Борхерта находится не только военная тема. В малой прозе писателя выделяется особая группа «лаконичных зарисовок природы» («kleine Naturschilderung»), в которых получают своё отражение многомерные проявления человеческой жизни, противопоставляемые Борхертом ужасам войны. Состояние природы в этой группе текстов всегда связано с внутренним состоянием человека, а изменения в окружающем мире происходят в унисон с изменениями в его жизни.

6. На формирование Борхерта-писателя в немалой степени повлияло его увлечение театральным искусством. Театральный опыт органично «вошёл» в творчество художника, определив сюжетно-композиционную структуру малой прозы и обусловив стремление Борхерта предельно визуализировать свои тексты. Именно театральная практика стала причиной появления в творчестве писателя так называемых *героев-марионеток* – живых и мёртвых солдат.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, примечаний и библиографии. Основное содержание изложено на 229 страницах. Библиография включает 263 наименования, из них 79 на немецком языке.

Автор диссертации выражает глубокую признательность доктору филологических наук, профессору Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Евгению Александровичу Зачевскому, любезно предоставившему уникальный материал для изучения творчества Вольфганга Борхерта.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы диссертации, её актуальность и научная новизна, определяются цель и задачи, а также методика исследования, даётся краткий анализ рецепции творчества Борхерта в Германии и в России, акцентируется вопрос о жанровом своеобразии малой прозы писателя.

Содержание *первой главы «Война и литература»* как историко-культурная проблема *первой половины XX века* связано с обращением к многоаспектному понятию «война и литература»; уточнением

представлений о социокультурной ситуации в послевоенной Западной Германии.

Проблема существования человека в условиях военного времени всегда находилась в сфере пристального внимания исследователей. Вполне очевидно, что культурно-историческая и социально-политическая специфика войны представляет серьёзный научный интерес для историков, социологов и культурологов. Война как глубокое душевное переживание, мощное эмоциональное потрясение и, шире, – необратимая трагедия для многих поколений становится предметом художественного осмысления в искусстве XX века. Сложность проблемы «война и литература» обусловлена природой самой войны, а также, что не менее важно, многомерными особенностями конкретной национальной литературы.

В первом параграфе «Коллизия «человек и война» в литературе и культуре первой половины XX века» исследуются особенности репрезентации указанной проблемы в литературном и культурном пространстве XX столетия.

Трагические итоги Первой мировой войны (1914-1918) породили существенные мировоззренческие изменения в культурной жизни Европы. В связи с этим в параграфе указывается, что именно война инициировала принципиально новое отношение к сущности человека, расставив собственные акценты в определении его места в изменившемся мире. Едва ли не впервые в общем историко-культурном контексте проблема «человек и война» уступает приоритетные позиции проблеме «человек и смерть».

Второй раз в XX веке проблема «человек и война» стала предметом пристального внимания писателей, прошедших Вторую мировую войну (1939-1945). Симптоматичным представляется высказывание А.И. Иванова, размышляющего об особенностях духовного постижения сущности войны вообще: «Очевидно различие между *видеть* и *ведать* войну, между войной, увиденной глазами воина и глазами художника или мыслителя»⁹ [курсив А.И. Иванова – Н.П.]. Между тем, имеет смысл говорить и о синкретическом типе восприятия войны. Знаковые исторические события не только существенным образом влияют на жизнь общества, но, так или иначе, оказываются благодатным материалом для творческого переосмысления. Вероятно, поэтому *ведание* и *видение* как имманентно существующие формы постижения бытия способны пересекаться в литературном творчестве, когда речь идёт о писателе-участнике и свидетеле войны.

⁹ Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг.: Монография / А.И. Иванов. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 18.

В послевоенной Германии проблема «война и литература» получила особое значение. Всеобщее ощущение «переходного периода» в истории страны явилось не только важной приметой времени, но и обусловило возникновение концепции «Stunde Null» («часа нуль», «нулевой ситуации», «нулевого пункта» и т.п.), продолжительное время остававшейся традиционной для характеристики первых послевоенных лет. В параграфе указывается, что многие исследователи (Е.А. Зачевский, И.М. Фрадкин, Г. Цвойдрак) выступают против безоговорочного употребления данной формулы. Помимо объективных социокультурных причин, существует ещё одно обстоятельство, позволяющее указать на некоторую условность концепции «нулевой ситуации». Как известно, литературное пространство западной зоны Германии в первые послевоенные годы было представлено писателями «внутренней эмиграции» (В. Бергенгрюн, Э. Вихерт, Г. Казак, Э. Лангэссер, Р.А. Шрёдер и др.), писателями-эмигрантами (А. Зегерс, А. Дёблин, П.М. Лампель, Ф. фон Урну, Л. Франк и др.) и писателями молодого поколения (А. Андерш, В. Борхерт, В. Шнурре и др.). Представители этих трёх направлений фактически избегали контактов друг с другом, но сам факт их сосуществования и активной деятельности предполагает достаточно осторожное оперирование понятием «Stunde Null».

Завершение Второй мировой войны актуализировало споры о «коллективной судьбе» и «коллективной вине» немцев. Философские категории вина и ответственность (называемые М. Хайдеггером «экзистенциалами») приобрели в послевоенной Германии особое значение: вопрос о мере вины и ответственности немецкого народа за преступления национал-социализма оказался чрезвычайно злободневен. Своё творческое выражение и осмысление эти непростые вопросы времени находили как в философских работах (К. Ясперс «Вопрос о вине», 1947), так и в художественных произведениях (К. Цукмайер «Генерал дьявола», 1943-1945; В. Борхерт «На улице перед дверью», 1947 и др.). Тема расчёта с фашистским прошлым, широко представленная в немецкой литературе, исторически мощно заявила о себе в ноябре 1945 года, когда состоялся беспрецедентный Нюрнбергский процесс.

Несмотря на то, что немецкий народ существовал в крайне тяжёлых условиях, в культурном сознании немцев восприятие окружающего мира было скорее связано с метафорой «как Феникс из пепла» («wie Phönix aus der Asche»). В параграфе подчёркивается, что в послевоенной Германии особое значение получила литература.

Предметом *второго параграфа* «Послевоенная Западная Германия, или «почему молчит молодое поколение?» становится вопрос о

творческой судьбе молодых писателей, свидетелей и участников Второй мировой войны.

После окончания войны многие начинающие художники слова оказались в совершенно особом состоянии. Чрезвычайно важно было осознать, что больше не существует «никакой этической опоры» и «никаких литературных образцов» (В. Шнурре), а также осмыслить собственную творческую и гражданскую позиции, сделать выводы из недавнего прошлого и наметить планы преодоления настоящего. В параграфе акцентируется мысль о том, что одной из основных проблем послевоенного времени стала проблема взаимоотношений поколений, сопряжённая с проблемой «вины и ответственности». Конфликт между поколениями в том художественном выражении, какое он получает в произведениях В. Шнурре («Выступление», 1946), В. Борхерта («Поколение без прощания», 1947), В. Кольбенхофа («От нашей плоти и крови», 1947), коррелирует с осмыслением проблемы «отцов и детей» в творчестве писателей Первой мировой войны (Р. Олдингтон «Смерть героя», 1929; Э.М. Ремарк «На Западном фронте без перемен», 1929). В «Поколении без прощания» Борхерт называет себя и своё поколение «вытолкнутым из манежика детства» в мир, который подготовило для них старшее поколение («ausgestoßen aus dem Laufgitter des Kindseins in eine Welt, die die uns bereitet...»)¹⁰. В диссертации эта художественная формула рассматривается в качестве широкой метафоры времени, выпавшего на долю «поколения вернувшихся».

Изучение эпистолярного наследия Борхерта позволило заключить, что, несмотря на болезнь и длительное пребывание в лечебных учреждениях, писатель находился в центре культурной и литературной жизни своей эпохи. В параграфе уделено особое внимание творческим контактам Борхерта (А. Буссманн, Х. Зикер, К. Цукмайер), а также затронут вопрос о его включённости в современный социокультурный контекст (знакомство с многочисленными произведениями мировой литературы, внимание к современным периодическим изданиям и т.п.).

Содержание *третьего параграфа* «**Weniger eine Kunstform als Erlebnisform**»: к вопросу о художественном методе В. Борхерта» связано с уточнением и дополнением представлений о философско-эстетических воззрениях писателя и с рассмотрением концептуального вопроса о его творческом методе.

Проблема соотношения творчества Борхерта с определённым литературным направлением всегда находилась в сфере пристального внима-

¹⁰ Borchert W. Das Gesamtwerk. Mit einem biographischen Nachwort von Bernhard Meyer-Marwitz / W. Borchert. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2005. – S. 59.

ния исследователей (Ц.М. Гецене, В.С. Дзюбинская, В.М. Кузурман, Л.И. Мальчуков, Н.Т. Рымарь, Г.А. Фролов, К. Кзури, М. Шмидт, К.Б. Шрёдер и др.). И всё же приходится констатировать, что в отечественном литературоведении существенный вопрос о художественном методе писателя ещё не становился предметом специального изучения. Данное обстоятельство, по-видимому, связано не только с историко-литературной и теоретической сложностью указанной проблемы, но и с особенностями творческой личности Борхерта.

Совершенствование творческого почерка писателя происходило в течение неполных двух послевоенных лет (1945-1947), когда он работал над малой прозой, а также пьесой «На улице перед дверью». Непосредственное участие во Второй мировой войне явилось не только трагическим фактом биографии писателя, но и стимулом к оформлению его художественной манеры. Многочисленные письма Борхерта свидетельствуют о том, что он чутко улавливал те художественные тенденции, которые витали в эстетическом пространстве Западной Германии. Не случайно в малой прозе Борхерта исследователи (Е.А. Зачевский, Л.З. Копелев, Л.И. Мальчуков, Л. Сямонян, Ф. Вендекинг, В. Хельмих, Р. Шульмайстер и др.) обнаруживают аллюзии на творчество Э. Хемингуэя, межтекстовые параллели с некоторыми произведениями Г. Айха, В. Кольбенхофа, В. Шнурре.

Творческий метод Борхерта соединил наиболее выразительные элементы экспрессионистической и импрессионистической стилистики, переосмыслив в соответствии с требованиями времени романтическую и неоромантическую традиции. Наиболее адекватными творческим поискам писателя оказались художественные возможности послевоенного экспрессионизма. В параграфе определяются основные экспрессионистические черты литературного наследия Борхерта:

- сознательное нарушение законов грамматики и ритма;
- чрезвычайная эмоциональность языка;
- особое внимание к вешнему миру;
- использование широких возможностей гротеска, контраста, монтажа, а также предпочтение «крупных планов»;
- изображение картин «мёртвого» города и др.

Вместе с тем необходимо особо подчеркнуть, что судьба писателя оказалась неразрывно связана с тем временем, в которое ему пришлось жить и работать, поэтому традиционное для экспрессионизма понятие «я-герой» («Ich-Held») трансформируется в прозе Борхерта в понятие «я-эпоха» («Ich-Epoche»). Имманентная экспрессионизму эстетика индивидуального, глубоко личного вступает в онтологическое противоречие с реалистическим мироощущением художника. Экспрессия, которой ис-

полнены многие борхертовские тексты («Разговор над крышами», 1946; «По длинной, длинной улице», 1947; «В мае, в мае кричала кукушка», 1947 и др.), перестаёт быть только личной, получая широкое человеческое обобщение. Предельная достоверность и фактическая основа изображаемых писателем событий вступают в противоречие с постулатом экспрессионистов, утверждавших, что искусство должно отражать не реальность, а то, что скрыто за ней. В связи с этим нам представляется, что необходимо говорить о тех новеллах, в которых реальные жизненные ситуации воссоздаются с помощью экспрессионистических элементов, и о тех, в которых эти элементы отсутствуют.

В работе также проводится мысль о том, что на формирование мироощущения художника в немалой степени повлияло страстное увлечение театром. Стремление Борхерта посвятить себя миру театрального искусства было связано прежде всего с особенностями его личности. Почти все биографы писателя (Б. Мейер-Марвитц, П. Рюмкорф, К.Б. Шрёдер) указывают на то обстоятельство, что Борхерт был чрезвычайно артистичен. Неординарный облик юного Вольфганга Борхерта, экзальтированность его поведения («*extrem schlechter Schüler*») и активное участие в различных молодёжных обществах (например, в «*Bündische Jugend*») или во всеобщем музыкальном движении («*Dienst*») должны восприниматься как важные составляющие его творческой натуры, обусловленные веянием времени.

Театральный опыт органично «вошёл» в творчество писателя, оказав в дальнейшем существенное воздействие на сюжетно-композиционную структуру малой прозы («В мае, в мае кричала кукушка» (1947), «Всё-таки ночью крысы спят» (1947) и др.) и обусловив появление так называемых *героев-марионеток* – живых и мёртвых солдат («Бледнолицый брат мой» (1947), «По длинной, длинной улице» (1947) и др.). В работе формулируется вывод о том, что актёрское дарование Борхерта наряду с его литературными пристрастиями явилось важной предпосылкой формирования индивидуального стиля художника.

Во второй главе «Человек и война» в малой прозе В. Борхерта» исследуются способы художественной реализации центральной проблемы творчества писателя.

Стремление к более продуктивному анализу малой прозы Борхерта обусловило необходимость её классификации, в основу которой был положен подход польского исследователя Ст.Х. Кашиньски. В работе «*Typologie und Deutung der Kurzgeschichten von Wolfgang Borchert*» (1970) учёный выделяет четыре основных группы *Kurzgeschichten* писателя:

- > истории о войне («*Kriegsgeschichten*»);
- > истории о вернувшихся («*Heimkehrergeschichten*»);

- > **антивоенные истории** («Antikriegsgeschichten»);
- > **другие рассказы и прозаические этюды** («andere Erzählungen und Prosaskizzen»).

Диссертация основана на предложенной классификации учёного, подвергавшейся уточнению в тех случаях, когда этого требовала специфика исследования.

В *первом параграфе «Истории о войне: человек на войне»* проведён анализ тех историй Борхерта, в которых образ войны выполняет структурообразующую функцию. В этой группе рассматриваются: «Четыре солдата» («Vier Soldaten» 1946), «Ради» («Radi», 1946), «Много-много снега» («Der viele viele Schnee», 1947), «Бледнолицый брат мой» («Mein bleicher Bruder», 1947), «В этот вторник» («An diesem Dienstag», 1947), «Кегельбан» («Die Kegelbahn», 1947) и др. В параграфе указывается, что некоторые из перечисленных историй вошли в цикл, озаглавленный Борхертом «В снегу, в чистом снегу» («Im Schnee, im sauberen Schnee») и посвящённый его пребыванию в России (так называемые «Rußlandsgeschichten»).

Специфика каждой группы текстов определяется авторским видением проблемы «человек и война». В данном случае в сфере творческого внимания писателя оказывается не сама война как историческое, социальное, культурное и др. явление, а скорее её внешние негативные проявления, сопутствующие ей «реквизиты» или непрременные её «атрибуты». Так, в «Rußlandsgeschichten» безусловными «атрибутами» войны становятся «снег» («der Schnee»), «холод» («die Kälte») и «тишина» («die Stille») бескрайних русских просторов. Проблема «человек и война» в этой группе историй актуализирует серьёзные онтологические подпроблемы: существование человека в условиях военного времени и смерть на чужой земле. Война, по мысли Борхерта, не только провоцирует человека на жестокость по отношению к ближнему и проявляет негативные свойства его натуры, но и объединяет людей, уравнивая их перед лицом судьбы («Четыре солдата» (1946), «Бледнолицый брат мой» (1947) и др.). Война мучительна и невыносима («В этот вторник» (1947) и др.), но пребывание во время войны на чужом географическом пространстве многократно увеличивает ощущение потерянности и внутренней безысходности («Много-много снега» (1947) и др.). Человек, убеждён Борхерт, не должен погибать на чужой земле и тем более – быть похороненным в ней («Ради» (1946), «Бледнолицый брат мой» (1947) и др.). В полной мере сознавая бессмысленность жестокой бойни, писатель переносит изображение реальных событий в пространство абсурдной и противоестественной игры. Именно в таком ключе – солдаты как персонажи нелепого театрального или иного игрового действия – выстраиваются многие «исто-

рии о войне». Это обстоятельство дало основание для сопоставления новеллы Борхерта «Кегельбан» (1947) и рассказа Г. Канта «Маленькая шахматная история», в которых игра предстаёт развёрнутой метафорой войны.

Во *втором параграфе «Истории о вернувшихся»: человек после войны»* рассмотрены те истории, в которых внимание Борхерта сосредоточено на художественном осмыслении внутреннего состояния вернувшихся с войны героев.

В малой прозе писателя мотиву возвращения часто сообщено сюжетобразующее значение. В этой группе рассматриваются: «Три тёмных волхва» («Die drei dunklen Könige», 1946), «В мае, в мае кричала кукушка» («Im Mai, im Mai schrie der Kuckuck», 1947), «По длинной, длинной улице» («Die lange lange Straße lang», 1947), «Голоса тут – в воздухе, в ночи» («Stimmen sind da – in der Luft – in der Nacht», 1946) и др.

Формула «человек и война» в «историях о вернувшихся» связана прежде всего с 1) проблемой вины и ответственности («По длинной, длинной улице», 1947); 2) отверженностью человека обществом («Вороны вечером летят домой» (1946), «В мае, в мае кричала кукушка» (1947)); 3) гуманностью и состраданием («Три тёмных волхва», 1946). В *импульсивном монологе* «По длинной, длинной улице» речь идёт не столько о немецких или русских солдатах, но о человеке, духовно потерявшем себя. В душевном крике Фишера, героя, не принявшего оправдания смерти пятидесяти семи погибших лозунгом «За Германию!», слышится крик миллионов жертв войны, для которых смерть не может быть естественным событием. Национальные идеи не вдохновляют, если требуют жизни иванов и фишеров, а уничтожают физически и духовно. Человеческие жертвы, по Борхерту, недопустимы и не оправданы никакими гражданскими идеями.

Герои писателя – это одинокие девушки и юноши, пожилые люди, искалеченные солдаты, подростки, чьи судьбы «разломаны» войной («Разговор над крышами», 1946; «Поколение без прощания», 1946; «За окнами Рождество», 1946 и др.). Не случайно Борхерт называет их поколением «без счастья», «без родины», «без прощания» («ohne Glück», «ohne Heimat», «ohne Abschied»), что в полной мере отвечало суровым реалиям военного и послевоенного времени. К прежней оценочной характеристике писатель добавляет ёмкое сравнение судьбы своего поколения с судьбой птенцов кукушки («В мае, в мае кричала кукушка»). В параграфе отмечается, что стремление художника воплотить в аллегорическом образе кукушки представление о современном ему поколении (но, значит, и о себе!) связано прежде всего с творческим желанием наиболее образно передать всеобщее ощущение колеблющейся под ногами почвы.

Между тем, многие герои Борхерта, чьи судьбы отождествляются с судьбой «одинокой, отверженной птицы» (*Vogel Einsam*), сохраняют способность к сопереживанию и душевной чуткости («Три тёмных волхва»).

В *третьем параграфе «Антивоенные истории»: «Скажи: НЕТ!»* определяются основные художественные принципы, на основании которых часть произведений Борхерта может быть отнесена к группе собственно «антивоенных историй».

Малая проза художника и особенно пьеса «На улице перед дверью» провозглашают тот этический принцип, который получит наиболее полное выражение в манифесте «Тогда остаётся только одно!» (1947): «Скажи: НЕТ!». Проникновенный призыв Борхерта, в данном случае выраженный в яркой публицистической форме, более опосредованно прозвучал в «историях о войне / вернувшихся». Анализ малой прозы писателя указывает на возможность выделения в особую группу тех художественных текстов, которые не могут быть рассмотрены в предыдущих классификационных группах ввиду их существенных различий. Герои этой группы историй переживают тяжелейший внутренний конфликт, мучительный разлад между своим прошлым, мирным и радостным, и своим настоящим, горьким, отравленным ужасами смерти и страха перед будущим. Этим конфликтом обусловлены чрезвычайно сложные взаимоотношения борхертовских персонажей со временем, как большим историческим (М.М. Бахтин), так и личным (частным).

В данной группе рассматриваются: «Хлеб» («*Das Brot*», 1946), «Всё-таки ночью крысы спят» («*Nachts schlafen die Ratten doch*», 1947), «Суррогатный кофе» («*Der Kaffee ist undefinierbar*», 1947), «Война и ему принесла немало неприятностей» («*Er hatte auch viel Ärger mit den Kriegen*», 1947), «Кухонные часы» («*Die Küchenuhr*», 1947) и др. В перечисленных художественных произведениях почти отсутствуют выразительные приметы военного времени, но возникают важнейшие невещественные приметы, воссоздающие с и т у а ц и ю в о й н ы (*голод* – «Хлеб», *страх* – «Всё-таки ночью крысы спят», *равнодушие* – «Суррогатный кофе» и т.д.). Авторское повествование лишено здесь той экспрессии, которая отличает «истории о войне / вернувшихся»: внутренняя взволнованность и внешняя бесстрастность обусловили то наивысшее соответствие между формой и содержанием, на которое неоднократно указывали исследователи текстов Борхерта. «Мгновенная картина остановленной жизни» – это определение Г. Бёлля, характеризующее новеллу «Хлеб», справедливо для каждой «антивоенной истории» писателя.

Содержание *третьей главы «Человек и окружающий мир»* в малой прозе В. Борхерта раскрывается в четырёх направлениях: 1) «че-

ловец и тюрьма» (§ 1); 2) «человек и мир природы» (§ 2); «человек и вера» (§ 3); «человек и его малая родина / Отечество» (§ 4).

В отечественном литературоведении Борхерта принято относить к писателям, в чьём творчестве изображение войны и её последствий получило первостепенное значение. В связи с этим в главе высказывается суждение о том, что внимание Борхерта было сосредоточено не только на художественном осмыслении проблемы «человек и война», но и на многомерных проявлениях человеческой жизни. Не случайно классификация Ст.Х. Кашиньски предполагает выделение в особую группу так называемых *«andere Erzählungen und Prosaskizzen»*, под которыми подразумеваются борхертовские истории, не связанные с войной или имеющие к ней лишь незначительное отношение («тюремные истории» и «лаконичные зарисовки природы»).

Первый параграф «...свобода должна быть основным условием всей моей жизни...»: «человек и тюрьма» посвящён рассмотрению «тюремных историй» («Gefängnisgeschichten») писателя, в основу которых положены подлинные случаи арестов и заключений Борхерта в Нюрнбергской и Моабитской тюрьмах. К числу «тюремных историй» относятся: «Одуванчик» («Die Hundebblume», 1946), «Воскресное утро» («Ein Sonntagmorgen», 1946), «Там и здесь» («Von drüben nach drüben», 1946), «Наш маленький Моцарт» («Unser kleiner Mozart», 1947), «Мария, всё Мария» («Maria, alles Maria», 1947), «Чинь-Линь, муха» («Ching-Ling, die Fliege», 1947). Исследование «тюремных историй» дало возможность указать на их теснейшую связь с «историями о войне / вернувшихся». Герои этой группы текстов оказываются в той же безнадежной ситуации отчужденности и отверженности окружающим миром, в которой пребывают герои «историй о вернувшихся». Если одни обладают физической свободой, но при этом занимают вынужденное положение аутсайдеров (Бекман, Фишер) и находятся в ситуации духовного вакуума, то другие переживают состояние отринутости от материального мира, исключённости из жизненного процесса. Раскрытие проблемы «человек в условиях тюремного существования» связано в этой группе текстов с реализацией двух художественных оппозиций: **тюремный мир – мир свободы и заключённые – надзиратели**. При этом указанные оппозиции коррелируют с теми, которые возникают в художественном пространстве «историй о войне»: **война – полевоенный мир и солдаты – офицеры**.

Во втором параграфе «...все прибывтия принадлежат нам»: «человек и мир природы» определяются место и значение так называемых «лаконичных зарисовок природы» («kleine Naturschilderung») в художественном пространстве малой прозы Борхерта.

Повторим: творчество писателя убедительно демонстрирует, что в сфере его пристального внимания находились преимущественно те экстремальные жизненные условия (война – послевоенное время – тюрьма), которые обнажали «предельность человеческого существования» (Е.А. Зачевский). Между тем, фрагменты некоторых новелл Борхерта свидетельствуют о неисчерпаемом запасе его душевных сил. Наиболее мощное звучание идея о всепобеждающей силе жизни получает в группе «kleine Naturschilderung», к числу которых относятся: «Туй Хоо» («Tui Hoo», 1946), «Гроза» («Das Gewitter», 1947), «Любимая голубая, серая ночь» («Liebe blaue graue Nacht», 1947).

Художественный мир Борхерта наполнен не только горестными восклицианиями искалеченных войною солдат, но и звуками живой природы, запахами яблоневых садов и весеннего дождя. В этом мире есть место счастью от сознания близости любимого человека и горечи от разлуки с ним. В этом мире неодушевлённые предметы или явления природы наделены именами и мыслятся как живые и одухотворённые. Писатель опетизировал ночь, родной портовый Гамбург, овевающий Вселенную ветер, неторопливо катящую свои волны Эльбу – всё то, что составило основу его мироощущения и определило тематику «невоенной» части творчества. В параграфе подчёркивается, что в указанных историях находят своё отражение те многообразные проявления человеческой жизни, которые Борхерт сознательно противопоставил ужасам войны. В этом отношении можно говорить об идеологической близости «лаконичных зарисовок природы» «антивоенным историям».

В *третьем параграфе «...и Бог не воспрещает того»: художественное осмысление образа Бога в творчестве В. Борхерта»* исследован характер творческого переосмысления писателем проблемы «человек и война» в аспекте проблемы веры / безверия.

Образ Бога в творчестве Борхерта занимает различное художественное пространство. В некоторых новеллах этот образ возникает только в контексте общих размышлений писателя о судьбе своего поколения: «Мы живём без бога, без пристанища в пространстве, без обещаний, без уверенности – выброшенные, выбракованные, потерянные» («Разговор над крышами», 1946). В других – образ беспомощного Бога представляет смысловую ось сюжета, вокруг которой разворачивается основное действие («Божий глаз», 1946; «Иисус не участвует», 1946; «Кегельбан», 1947; «По длинной, длинной улице», 1947). Получая в творчестве писателя разнообразное художественное воплощение, образ Бога с полным основанием может быть рассмотрен как проблема сюжета. При этом важно подчеркнуть, что отношение героев Борхерта к Богу и к проявлениям божьей воли на земле носит амбивалентный характер: персонажи отри-

цают существование Бога, который не внемлет взывающим к нему («По длинной, длинной улице», «Суррогатный кофе», «Кегельбан»), и в то же время признают его («Если не верить в Бога, то всё это невозможно вынести») («В этот вторник»)).

Наиболее выразительный образ Бога возникает в пьесе «На улице перед дверью», где речь идёт о «старике, в которого больше никто не верит» («*der alte Mann, an den keiner mehr glaubt*»). В сцене разговора унтер-офицера Бекмана с «плаксивым стариком» («...*du bist weinerlich, alter alter Mann!*») звучит прямое обвинение в том, что Бог допустил чудовищную бойню и не услышал обращённых к нему молитв. Бог, с точки зрения Бекмана, не оправдал своего имени («милостивый Боже» – «*lieber Gott*»). Бекман называет Бога «*кроваво-чернильным богословом*» («*ein tintenblütiger Theologe*»), «*милостивым Богом из книги сказок*» («*ein Märchenbuchliebergott*»), у которого «слишком тихий голос для грома нашего времени».

Война разобщила людей и отдалила их друг от друга, но вместе с тем она породила отчуждение между человеком и Богом. Многие герои писателя отрекаются от Бога и перекаладывают на него ответственность за происходящее, тем самым полностью снимая её с себя. В пьесе «На улице перед дверью» вина и ответственность последовательно «перекаладываются» с унтер-офицера Бекмана на полковника, на директора кабаре, фрау Крамер и затем – на Бога. В финале пьесы и вина и ответственность «возвращаются» обратно к Бекману. Но так ли справедливы обвинения героев Борхерта, адресованные Богу? В параграфе проводится мысль о том, что главная трагедия борхертовских персонажей заключается в чрезвычайно материальном восприятии божьей воли на земле. Разрушительная сила войны приводит человека к тому, что, созданный по образу и подобию божьему, он перестаёт нести в себе божественное начало. Бог умирает в человеке-убийце – оттого многие персонажи писателя представляют собой марионеток: в них нет души, потому что в них нет Бога. Однако возможность духовного воскресения у героев Борхерта всё же есть, и связана она с осознанием человеком своей доли вины в случившемся и с попыткой её искупления.

В *четвёртом параграфе* «*Um Deutschland wollen wir leben*»: образ Германии в малой прозе В. Борхерта рассмотрены особенности художественного воплощения образов малой родины / Отечества (*Heimat / Vaterland*) в связи с общей проблемой исследования.

В малой прозе Борхерта размышления о судьбе послевоенного поколения неизменно сопряжены с тревожными размышлениями о настоящем и будущем Германии. Важный лейтмотив творчества писателя – это одиночество и бесприютность его героев. Возвращающиеся с войны

борхертовские персонажи («Heimkehrer») не находят дома, но что ещё важнее, – они не находят родины. В параграфе высказывается мысль о том, что писатель последовательно развенчивает не только мотив фронтовой дружбы, но и идиллический мотив возвращения домой (ср. Г. Фаллада «Маленький человек – что дальше?» (1932)).

Как правило, «городская» тема в творчестве Борхерта строго локализована в географическом пространстве родного писателю Гамбурга. Интерес к Гамбургу как объекту художественного изображения обусловил появление таких произведений, как «Город» (1946), «Эльба» (1946), «Гамбург» (1946), «Биллбрук» (1946). Проблема «человек и война» объединяет все вышеперечисленные истории на том основании, что в них идёт речь о Гамбурге – городе жизни («Гамбург», «Эльба») и Гамбурге – городе смерти («Биллбрук»).

С родным городом у писателя связаны тёплые воспоминания о детстве, матери и любимых девушках. Оттого сам Гамбург мыслится как некое одухотворённое существо, наделённое свойствами живого человека. Важно особенно отметить, что в художественном сознании Борхерта образ Гамбурга более устойчив, в то время как образ Германии – амбивалентен. В суждениях о своём Отечестве художник часто противоречив и эмоционален, оттого они (суждения) мыслятся как полярные. Неоднозначное восприятие родной страны было связано с теми сложными многоуровневыми процессами, которые происходили в ней на протяжении многих лет.

В параграфе проводится сопоставление «гамбургских» историй Борхерта с рассказом Э. Хемингуэя «На Биг-ривер» (сб. «В наше время», 1925) и рассказом З. Ленца «Эйнштейн пересекает Эльбу близ Гамбурга. История в трёх предложениях» (1969).

В **Заключении** сформулированы выводы исследования.

Поэтика и проблематика литературного наследия Борхерта всецело определены его жизненным опытом, в основе которого – участие во Второй мировой войне и длительные заключения в тюрьмах. Этим обусловлено особенно пристальное внимание писателя к онтологической и культурологической проблеме «человек и война». В творчестве Борхерта репрезентация указанной проблемы связана с важнейшими понятиями одиночества, потерянности и внутреннего разлада человека с окружающим миром, возникающими вследствие ощутимого разрыва духовной связи между людьми. Потому в художественном мире писателя особое значение приобретают категории «*vorbeireden*» и «*draußen*», наиболее полно отражающие авторское видение «человека в условиях военного времени».

В художественной формуле «человек и война» Борхерт неизменно актуализирует её первую смысловую часть – «человек». Авторская стра-

тегия основана на чётком указании конкретного жизненного события и творческом «изучении» последовавшей за ним реакции. Намеренное стремление писателя к художественному обобщению и «стиранию» индивидуального начала в образе героев призвано подчеркнуть *типичность* изображаемого. В малой прозе Борхерта война осмысливается не с точки зрения проигравшего войну поколения, а с точки зрения всех безвинно пострадавших в ней. Вместе с тем концептуальное значение в творчестве художника получают вопросы о «человеке и тюрьме», «человеке и мире природы», «человеке и вере», что позволяет указать на широту творческих интересов Борхерта.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

1. Платицына Н.И. Рассказ В. Борхерта «По длинной, длинной улице»: к проблеме культурологического исследования / Н.И. Платицына // С.Н. Сергеев-Ценский и современность: Мат-лы всерос. науч. конф. языковедов и литературоведов, посвящённой 130-летию со дня рождения С.Н. Сергеева-Ценского. – Тамбов: Першина, 2005. – С. 135-137.

2. Платицына Н.И. «...и Бог не воспрещает того»: художественное осмысление образа Бога в творчестве Вольфганга Борхерта / Н.И. Платицына // Библия и национальная культура: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.С. Бочкарёва. – Пермь: ПГУ, 2005. – С. 139-141.

3. Платицына Н.И. Мотив расставания в рассказах В. Борхерта «Останься, жираф» и Г. Бёлля «Прощание» / Н.И. Платицына // XI Державинские чтения. Институт филологии. Факультет журналистики: Мат-лы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Февраль 2006 / Под ред. Н.Л. Потаниной. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 72-73.

4. Платицына Н.И. «Рождественская философия» В. Борхерта: к проблеме конфликта «человек и война» (на материале истории «Три тёмных короля») / Н.И. Платицына // «Рождественская философия» Чарльза Диккенса в контексте мировой культуры: Альманах Русского Дома Диккенса. Вып. 1. / Науч. ред. проф. Н.Л. Потанина; отв. ред. Н.В. Ткачёва. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 89-94.

5. Платицына Н.И. Игра как метафора войны в новелле В. Борхерта «Кегельбан» и рассказе Г. Канта «Маленькая шахматная история» / Н.И. Платицына // XVIII Пуришевские чтения: Литература конца XX – начала XXI века в межкультурной коммуникации: Сб. мат-лов. междунар. конф. / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2006. – С. 96.

6. Платицына Н.И. Семантическая полифония художественной детали в малой прозе Вольфганга Борхерта: к проблеме декодирования /

Н.И. Платицына // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XI Всерос. науч.-практич. конф. (Бийск, 12-13 мая 2006 г.): В 2-х ч. Ч. 1. / Отв. ред. В.А. Акимов. – Бийск: БПУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 88-94.

7. Платицына Н.И. Художественное осмысление проблемы «человек и его мир» как микромоделли проблемы «человек и мир» в малой прозе В. Борхерта / Н.И. Платицына // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: мат-лы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12-15 апреля 2006 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН, ВолГУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 763-767.

8. Платицына Н.И. «Um Deutschland wollen wir leben»: образ Германии в малой прозе Вольфганга Борхерта / Н.И. Платицына // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2007. – Выпуск 4 (48). – С. 151-154.

9. Платицына Н.И. Художественное своеобразие конфликта «человек и война» в малой прозе В. Борхерта и Г. Бёлля / Н.И. Платицына // Художественное слово в пространстве культуры: Мат-лы юбилейной Междунар. науч. конф., посвящённой тридцатилетию кафедры зарубежной литературы / Отв. ред. проф. О.Ю. Анцыферова. – Иваново: ИвГУ, 2007. – С. 112-120.

10. Платицына Н.И. Время как проблема сюжета в новелле В. Борхерта «Кухонные часы» / Н.И. Платицына // XII Державинские чтения (Институт филологии): Мат-лы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Февраль 2007 г. / Отв. ред. Н.Л. Потанина. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 159-162.

11. Платицына Н.И. Творчество В. Борхерта в контексте послевоенной западногерманской литературы / Н.И. Платицына // XIX Пуришевские чтения: Переходные периоды в мировой литературе и культуре: Сб. ст. и мат-лов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2007. – С. 164-165.

12. Платицына Н.И. «Weniger eine Kunstform als Erlebnisform»: к вопросу о художественном методе В. Борхерта / Н.И. Платицына // Филологический дискурс современной германистики: Сб. мат-лов межвуз. науч. семинара германистов 10 октября 2006 года / Отв. ред. Н.Л. Потанина. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. – С. 73-87.

13. Платицына Н.И. Образ мёртвого города в новелле В. Борхерта «Биллбрук» / Н.И. Платицына // Филология и культура: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 534-537.

Публикация под номером 8 осуществлена в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Подписано в печать 15.03.2008 г. Формат 60×48/16. Объем 1,33 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 1057. Бесплатно. 392008, г. Тамбов, Советская, 190г.
Издательство Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

104